

Сергей Аванесов

В отпуск к морю

Сергей Владимирович Аванесов

В отпуск к морю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51641144

SelfPub; 2020

Аннотация

На что решиться, если твоя жизнь идет не так как хочется? Как быть, если будущее выглядит еще хуже, чем действительность? Рискнуть или просто плыть по течению?

Глава 1

Двухметровые волны налетали на волнорез, с грохотом ударяясь, разлетаясь в стороны и вверх. Она стояла метрах семи от конца волнореза, который подвергался бесконечно-му напору грязных волн, вершины которых покрывала светло – серая пена. Сильный мокрый ветер, дующий с моря, обдавал ее мелкими брызгами. Её одежда уже стала сырой, по лицу иногда стекали образовавшиеся капли. Она вдыхала этот мокрый, терпкий, соленый воздух, отдающий гнилыми водорослями, замерзшая, но совершенно счастливая. Сильный порыв ветра снова ударил ее, она покачнулась, придерживая руками капюшон куртки, улыбнулась. Потом вздрогнула и проснулась. Продолжая лежать с закрытыми глазами, пыталась удержать сон, который уже перестал быть реальностью, растворяясь в сознании. Опять приснилось море. Мечта детских лет. Почему его называют черным? Она видела его много раз по телевизору, в журналах. Море всегда было разным, но никогда черным. В другой комнате, что-то грохнуло, раздался не громкий монолог, большая часть которого были маты. Дверь в комнату открылась, и в ее проеме появилась еще не старая лохматая и неухоженная женщина.

– Людка, а Людка, мать с утра болеет, а тебе все рано. Дай сотни три. Кончились мои деньги, а зарплата только через два дня.

Если бы мать и не сказала, что болеет, Люда и так бы поняла, причину болезни матери. Она называется перепел или бо-

дун. В трезвом состоянии, она никогда не говорила ей Людка, повторяя известное изречение из фильма, «любовь и голуби».

– А ты бы пить бросила, тогда денег хватало бы, усаживаясь на диване ответила Люда. – Я что твои пьянки оплачивать должна?

– Ну ты шалава неблагодарная. Я всю жизнь на тебя угробила. Когда твой отец, кобелина, меня бросил, я сама тебя тянула с малолетства. А теперь вот она, такая твоя благодарность.

Мать продолжала еще, что-то говорить, местами переходя на крик, но девушка уже не слушала её. Она поднялась, достала из сумки кошелек, вытащила пятисотку, протянула матери и пошла в ванну.

Подставляя стройное тело под горячие, упругие, тонкие струи воды, бившие в разные стороны из заросшего известковыми наростами за многие годы не менявшегося распылителя воды, Люда наслаждалась еще совсем недавно недоступному для нее удовольствию. Завтра будет неделя, как в их квартире снова включили газ. С его появлением появилась уверенность, что все теперь будет по-другому, и теперь обязательно жизнь наладится. И пусть сейчас в ванной ее окружает грязная, местами отвалившаяся плитка, уложенная собственноручно еще до ее рождения, куда-то испарившимся отцом, которого она помнит только по фотографиям.

И пусть вокруг порванные линолеум и обои, оббитые углы стен, перекошенные двери комнат, иногда выпадающий раствор из швов между плит потолков. Теперь это все казалось не таким ужасным. Она нашла работу, которая позволила ей снова включить в квартире газ, который отключили ей с матерью сразу после окончания отопительного сезона. Работа, зарплата которой почти в три раза превышает все зарплаты, которые она получала за свою маленькую трудовую деятельность, мыкаясь из одного места в другое. Хорошую работу, в этом захолустном районном городишке, можно было найти только по знакомству. А таких знакомств у нее не было. Все ее знакомые, это ее бывшая подруга, удачно вышедшая замуж, и через пару недель переставшая отвечать на звонки. Люда ее не осуждала. Кому нужна такая нищевородка, как она? Остальные ее знакомые, это периодически меняющиеся собутыльники матери. Поэтому она считала большой удачей, даже чудом, что ее взяли продавцом в ювелирную сеть. И вот теперь после четырех месяцев работы, совсем неожиданно, она уже заместитель директора магазина.

– Ух, как же все здорово, сказала Люда вслух. – Теперь обязательно исполнится мечта. Она обязательно поедет в отпуск к морю. И не важно будет это зима или лета. Главное, что она поедет, увидит его своими глазами, вдохнет этот неповторимый воздух, посмотрит, как солнце садится в море. Девушка выключила душ, вытерлась, и пошла на кухню ставить чайник.

Минут через десять, когда Людмила уже допивала утренний кофе под сигарету, в квартире появилась ее мать, со старой подругой, тоже уже, правда совсем недавно, подсевшей видимо окончательно на стакан.

– Вот Анька полюбуйся, сказала мать Людмилы, своей подруге, опуская на стол пакет с бутылкой водки и нехитрой закуски в виде одной селедки в целлофановом пакете, куска вареной колбасы, нескольких луковиц, бутылки подсолнечного масла, буханки хлеба. – Сидит доченька, кофия распиивает, курит. Нет, чтобы о матери позаботится, картошки поджарить. Или просто даже в мундирах. Нет, не может. Хрена ей о матери думать.

Тетка Анька посмотрела на девушку, потом на свою подругу. – Привет Людок. А ты Сашка, хватит орать, голова и без тебя трещит. Давай лучше под селедку похмелимся.

– Привет тетя Аня, ответила Людмила, вставая из-за стола, направляясь в свою комнату. Хорошее настроение улетучилось. Сегодня мать опять напьется. А когда начнутся отходники, сначала будет орать, потом жалобно скулить, проклиная бывшего мужа, свою жизнь, и дочь, которая совершенно не думает о ней. Мать последнее время пила практически ежедневно, пропивая все, что зарабатывала. Дома уже не осталось ничего ценного, что можно было бы продать. Люда много лет пыталась бороться с вредной привычкой матери. Раньше ей помогала подруга матери, эта самая тетя Аня. Но несколько лет назад, после того, как ее редко

пьющий муж умер, она начала понемногу выпивать со своей подругой, заливая боль утраты, любимого человека. Потом больше и больше. Всего за пару лет, она потеряла, как много лет назад ее мать, хорошую работу, и обе, имея высшее образование, еще не старые женщины, теперь перебивались случайными заработками, в местах, где только такого сорта люди еще могут пригодиться. Окончательно не стать бомжами им помогли дети, имеющие в равной собственности права на жилье. Хотя в этом городе свободного жилья было в избытке. Люда немного полежала на диване, встала.

– Хватит лежать, – сказала она сама себе, продолжая размышлять уже про себя. Лучше пойти погулять. Не сидеть же весь день в квартире за закрытой дверью, чтобы не слышать пьяного бреда пьяниц. Люда в очередной раз посмотрела в окно. Лето закончилось. Вторая половина октября выдалась холодной. На улице хоть и светило солнце, но Люда видела, что люди шли одетые не по сезону. За окном ветер гнал мусор, упавшие листья деревьев. – Ну вот можно и сапоги обновить, решила Людмила, радуясь своей покупке. Открыла шкаф и принялась искать заветную коробку. Прогуляюсь до магазина, решила она. С девчонками поболтаю, и сапогами похвалюсь. На дне шкафа лежало несколько коробок из обуви, но коробки с сапогами не было. Она отрыла другую дверцу шкафа, уже без надежды, понимая, что сапог уже нет. Заглянула в проем между диваном и стеной, в последней надежде став на колени заглянула под диван, хоть и понимала,

что коробку туда не засунуть, села на пол и заплакала.

Одев старые полуботинки, с оббитыми носами и стесанными каблуками, которые не сильно выделялись на фоне остальной одежды, девушка не удержалась, зашла на кухню, спросила,

– Мама, ты зачем мои сапоги продала?

Мать повернула к ней свое землисто – серое, покрытое местами красными пятнами лицо, на котором Люда увидела пьяные глаза и попытки осмыслить заданный вопрос. Какое-то время она молчала, потом ее понесло,

– Анька, ну ты глянь на эту шалаву, пьяным голосом заорала мать. Я последний хрен без соли доедаю, разута, раздетая, а она...

Люда уже не слушала криков матерь, выскочила за дверь. Она решила, что в следующие выходные обязательно вызовет слесаря и поставит на дверь своей комнаты замок.

Глава 2

Люда возвращалась с прогулки. Она гуляла всегда, когда позволяло время и погода, чтобы как можно меньше находится дома. Старая часть города была по-своему красива. Вокруг города, куда не посмотри, возвышались горы. Не скалы, а горы, покрытые лиственным и хвойным лесом. Каждое время года было по-своему красиво. И только два промежутка времени показывали истинный вид разрушающегося городка, когда опала листва, а снега еще не было, и когда грязный снег еще не растаял, а листья еще не распустились.

Во время таких одиноких прогулок, думалось хорошо, думалось о разном. Сегодня почему-то вспомнилось прошлое. Все свою жизнь, которую она помнила, на все ее малочисленные просьбы, с которыми она обращалась к матери, она слышала всегда один ответ, – денег нет. Примерно в седьмом классе Люда совсем перестала, что-то просить у матери. Все необходимые вещи, которые ей были нужны, тетя Аня заставляла покупать тогда еще более – менее здравомыслящую мать. Носильные вещи она приносила сама, где-то доставая поношенные, но иногда очень хорошие. Когда Люда начала учиться в девятом классе, из квартиры начали исчезать вещи, а новые уже больше не появлялись. Жить стало совсем тяжело. Еды в доме иногда совсем не было. Люда пыталась зарабатывать как могла, раздавала листовки, пыталась продавать различные товары, ходя по квартирам и домам, учреждениям. Получая небольшие деньги, тратила их в основном на еду, недорогое белье и одежду, иногда баловала себя, покупая вкусняшки, которые почти всегда были кусочками торта «наполеон». Вспоминания из детства, так она их называла. Девушка подошла к подъезду, и через открытый проем форточки кухонного окна на первом этаже, услышала пьяный голос матери. Настроение сразу испортилось. Домой идти совсем расхотелось. Эти старые двухэтажные с одним подъездом, дома послевоенной постройки, давно не видевшие ремонта снаружи и изнутри. Скрипучие протертые с углублениями ступени деревянных лестничных мар-

шей, перила с отвалившейся местами кусками многослойной краски. Запах подъезда первого этажа, который, сколько она помнила себя, не менялся никогда. И запах, смесь кошачьей и человеческой мочи, и чего-то вонючего или гниющего под деревянным настилом пола. Квартиры с маленькими проходными комнатами, и еще более маленькими кухнями. Самое удивительное, что у каждого такого дома сохранились скамейки. Пережиток Советского Союза. Даже сейчас в этот солнечный и безветренный день эти дома, выстроенные вдоль улицы, выглядели одинаково уныло. С другой стороны, летом они утопали в зелени, становились какими-то родными, и как иногда на трезвую голову говорили ее мать и тетя Аня, навивая давно ушедшее радостное вчера. Люда присела на скамейку возле подъезда, закурила. Это старая часть города, начало его создания. Она практически не изменилось за десятки лет. Так по крайней мере говорит старшее поколение. А большая часть города руины. Вон они эти руины, более современные двенадцатиэтажные дома. Их хорошо видно даже отсюда, сквозь голые ветви деревьев. Наследие развалившегося государства – исполина. После развала СССР, жизнь в этом моно – городе, как-то быстро остановилась вместе с остановкой комбината союзного значения, и начала вырождаться. Часть этих признаков вырождения, видно даже со скамейки. Высокие многоэтажные дома, с брошенными квартирами и почти везде с разбитыми стеклами окон, или вообще без оконных рам. Кое-

где в этих домах еще виднелись застекленные окна, в которых сейчас отражались лучи заходящего солнца. Как там живут оставшиеся люди? А за этими домами и сам горно-обогатительный комбинат, вернее то что от него стало. Голые частично разрушенные стены красного кирпича и бетона, административных и промышленных строений, без крыш, окон, дверей. Местами видны металлические конструкции, которые не удалось растащить и сдать на металлолом по каким – то причинам. Некогда по-своему красивый небольшой городок в горах, медленно превращается в город призрака.

– Зато дым теперь можно увидеть только от мангала, или сигареты, вставая со скамейки сказала вслух Люда, выкидывая окурки в рядом стоящую ржавую и перекошенную урну.

Входная дверь в квартиру, как это последнее время бывало часто, была не заперта. Опасаться воров особенно не приходилось. Наверное, на мусорке мебель и вещи получше можно отыскать. Поэтому Люда даже не собиралась ругаться с матерью по этому поводу, сразу решила идти к себе в комнату.

– Людка, а Людка иди сюда, услышала она не трезвый голос матери.

– Что тебе надо, стоя у двери своей комнаты и открывая замок, спросила она.

– Сюда иди, тут родственник наш объявился.

Девушка сняла куртку, предварительно вытащив сигареты и зажигалку, повесила куртку в шкаф, пошла на кухню.

Сквозь пелену табачного дыма в маленькой кухоньке за таким же маленьким столом стоявшего у окна, девушка увидела с трудом поместившихся троих человек. С одной стороны окна сидела ее мать, напротив тетя Аня, а к ней спиной почти закрывая не слишком широкий проем окна, крепкий, и очень крупный мужчина в джинсах и майке. Все руки, видимые из-под майки, были полностью покрыты татуировками. На кухне стоял запах алкоголя, табачного дыма, и слабого аромата вареной картошки.

– Во глянь Колян, твоя племяшка пришла, увидав вошедшую дочь сказала мать Люды.

Мужчина не спеша повернулся на табурете, и девушка увидела суровое, но привлекательное лицо мужчины, на вид, которому было примерно лет сорок пять.

– Привет, племяшка, – протягиваю огромную руку, где даже пальцы руки была покрыта татушками, сказал он.

Девушке ничего не оставалась, как протянуть свою. Новоявленный дядька, не стал пожимать руку, только чуть собрал пальцы в кулак, и Люда почувствовала их шершавое прикосновение.

– Вы не похожи на моего отца.

– А разве ты его помнишь? – спросил он.

– Нет, но дома есть несколько фоток. Папа был не высокий и худощавый. А вы просто громила, сказала девушка, доставая сигарету, прикуривая и оставаясь стоять в дверном проеме кухни, так как больше сесть было негде и не на что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.